

Мы возобновляем традицию публикации размышлений о своем жизненном пути тех людей, которые сознательно и серьезно готовятся к Крещению или (если они уже крещены) к исповеди за всю жизнь и вхождению в жизнь православной церкви. Некоторые из этих свидетельств, напи-

санных во время катехизации, были напечатаны с согласия их авторов в 90-е годы в журнале «Православная община», но у большей их части так и осталось два читателя — катехизатор, в течение года помогающий готовиться к вхождению в жизнь Церкви, и священник, принимавший

исповедь. Об этом можно только пожалеть, потому что, по признанию одного из катехизаторов, ничего лучшего, ничего более полно свидетельствующего о силе Божьей благодати, способной вывести человека из любого тупика, он не читал в своей жизни.

МОЙ ПУТЬ К БОГУ И В ЦЕРКОВЬ

Мне 30 лет, из них более 10 лет я считаю себя христианкой. Обращение было для меня вполне осознанным конкретным моментом (которому, конечно, что-то предшествовало и за которым многое последовало), и хотя я не помню числа, но сам этот день и что в нем происходило я помню очень хорошо.

Начну, однако, с предыстории. Росла я в атеистической семье (и, естественно, в атеистическом государстве), и дома о Боге не говорили. В лучшем случае, говорили о философии, о материализме и идеализме, предпочтении отдавая первому. Таким образом, у меня сформировалось вполне конкретное и не очень расплывчатое мировоззрение (чему очень способствовал мой отец, любящий такие вещи осмысливать и объяснять). У меня была довольно явная склонность к рационализации и философскому осмыслению жизни, настолько, что мысль о том, что я чего-то недопонимаю и недоосмысливаю, вызывала некоторое замешательство. Смотреть на мир мне хотелось глазами человека, понимающего, что происходит и «что на чем стоит». Сейчас, когда мой отец сетует на то, что он нас (меня и мою сестру) «неправильно воспитал» (в том смысле, что своим воспитанием создал предпосылки к тому, чтобы мы пришли в церковь), я думаю, он именно это имеет в виду. Может быть, также и то, что в нашей семье были довольно четкие (и довольно строгие) нравственные устои (особенно это касалось моей бабушки, матери отца, которая умерла, когда мне было 11 лет, и о которой, особенно после ее смерти, у нас в семье говорится в терминах, очень подобающих святым) и система ценностей, очень близкая к христианской.

(Забавная подробность: оба мои родителя, не будучи верующими, крещены в детстве (но в таком возрасте, что они об этом помнят), тайком от родителей, «уволом» в деревню, по инициативе их бабушек).

Как бы то ни было, к вере и церкви отношение было слегка свысока: для не слишком умных, а главное, слабых людей, не умеющих смотреть в глаза реальности. Именно так.

Дальше излагаю просто последовательность событий. В 1991 году моя младшая сестра в 10-летнем возрасте занималась в изостудии в соседнем Доме пионеров. В какой-то момент один православный приход (на Арбате, вернее, в Филипповском переулке) решил в этом Доме пионеров устроить воскресную школу, для чего этот дом срочно освятили (смотреть на это зрелище сбегалась куча народу, включая моих родителей). Воскресная школа преподавала 4 «класса»: Закон Божий, иконопись, хор и церковнославянский язык. Сестренка прибежала домой и сказала, что она хочет ходить на иконопись (очень попутное желание) и хор, а остальное готова терпеть в качестве бесплатного приложения (со временем оказалось, что и церковнославянский — вещь полезная, особенно в приложении к хору). Иконопись, однако, скоро отпала, т. к. ей сказали, что она для таких занятий слишком «продви-

нутая» (в художественном смысле), а вот на хор (и церковнославянский) она ходила с удовольствием. Закон Божий тоже сначала был интересен, пока вел его молодой и «прогрессивный» священник (пишу в кавычках потому, что мы тогда именно это слово по отношению к нему использовали; это не значит, что он был «прогрессивный в кавычках») — о. Николай. С ним было интересно общаться не только детям, но и родителям (и на моих он произвел впечатление), но, к сожалению, его «учительствование» продолжалось недолго (говорили, что его перевели в Загорск, в семинарию). Сменил его о. Евгений, который моей сестре быстро наскучил (рассказывал «сказочки» про Иону и кита), так что от всей воскресной школы у нее, по большому счету, осталось только хор. И тут я ей позавидовала (она приходила домой и распевала такие красивые вещи!) и попросила ее узнать, нельзя ли и мне присоединиться (здоровой восемнадцатилетней дылде к детишкам от 3 до 10; впрочем, там оказалась еще пара человек всего на 2-3 года моложе меня). Мне разрешили (в конце концов, не так много пятилеток могут петь альтернативные партии), и я с большим удовольствием стала разучивать «Отче наш» и «Да исправится» в различных музыкальных вариациях. Со временем наш хор стали приводить в храм «подтягивать» на левом клиросе, а потом я стала приходить петь и на правом клиросе (в будние дни, когда «наемных» хористов мало или нет совсем). Пела я, ровным счетом ничего не понимая в том, что пою (чему, как вы понимаете, очень способствовал церковнославянский), и не пытаюсь вникать. Процесс увлекал настолько, что все остальное вызывало только досаду: отвлекало. Особенно неприятным был момент причастия: хор «запускали» к чаше первым, и меня очень старательно туда же подталкивали, так что приходилось как-то отнекиваться (теперь мне даже трудно объяснить, почему именно причастие было мне так неприятно, именно как обман или лицемерие, ведь я неверующая!). Здесь очень помогла ссылка на некоторые естественные обстоятельства, но ведь не всегда же на них можно сослаться, так что периодически приходилось нехотя идти к чаше и ко кресту во время крестоцелования (до сих пор не могу преодолеть в себе внутренней неприязни и неприятия всякого целования «предметов» в церкви, будь то креста, или икон, или руки священника...). Не нравилось подходить под благословение к батюшке, да и вообще все, что не имело отношения к пению, а имело отношение к тому, чего я не понимала и понимать не стремилась, вызывало более или менее активное отторжение. Нравилось только люди: регент, ее помощница, другие «хористки».

Потом у меня начались неприятности со здоровьем (пришлось делать операцию на глаза), и меня «подловили» в момент слабости. Очень участливо со мной поговорили и сказали, что мне надо креститься. На мой недоуменный вопрос «а как же без веры?» сказали примерно следующее: да как же ты не веришь, не думаешь же ты, что мы от обезьян произошли? — Э-э-э... кажется, именно так и думаю. Ну, это все ерунда, сказали мне, а креститься надо, хоть бы и без веры, ведь ты нам не даешь за себя молиться. Достаточно того, что мы верим. Я подумала: люди хорошие, мешать им не хочется, пусть молятся. Да и батюшка говорит, что некрещеным на клиросе нельзя (выгонит ведь, а жалко). Мне это ничего не стоит, так что зря людей расстраивать? Так и крестилась. Причем предупредила, что «врать не буду», т. е. ничего про веру там или Бога

говорить во время крещения не стану. И не говорила. Все, что нужно было, говорила крестная (регент хора), а я всю процедуру молча пережила, крестик на шею повесила и, как велено, носила его не снимая.

После этого чередой пошли случаться всякие вещи, делавшие мое пребывание в церкви все более и более неприятным. Все выглядело таким неискренним, таким неприятным, таким надуманным, неестественным. Это все долго описывать, скажу только, что одним из неприятных моментов было то, что крестик у меня на шее (особенно летом, когда его видно) стал провоцировать совершенно ненужные вопросы (тогда, в начале 90-х, не все подряд были крещены, и крестик висел не у каждого). Люди (почему-то) решали, что я верующая, да еще и такая верующая, которая что-то в этом деле понимает и может что-то объяснить или даже посоветовать. Так что в какой-то момент я этот крестик с шеи сняла (если не сорвала) и решила, что с церковью и Богом пора «завязывать». Больше я туда ни ногой.

В это время я оканчивала первый курс (на вечерке) Института иностранных языков им. Мориса Тореза. С началом нового учебного года к нам пришла новая преподавательница фонетики. Позанимавшись с нами некоторое время и наладив хороший контакт с группой, она предложила: давайте вместе читать Библию на английском с переводом на русский. Мол, это вам в жизни очень пригодится и как лингвистам, да и для общей эрудиции, а я никому ничего навязывать не собираюсь: будут вопросы — отвечу, как могу, нет — и ладно. Я это восприняла очень положительно (как и большинство группы). Перед этим (летом) я читала «Джейн Эйр» на английском, и у меня хватило ума понять, что я многое упустила, многого не поняла, т. к. не знала ни Библии, ни церковной жизни. Так что восполнить пробел в «общей эрудиции» показалось мне вполне уместным. Кроме того, очень тронул тот факт, что преподавательница готова была заниматься с нами дополнительно, бесплатно, да еще и ждать нас до последней пары (с 9 до 10.30 вечера).

На первом занятии мы открыли параллельный (русско-английский) текст Евангелия от Иоанна и прочитали первые одиннадцать стихов... И во мне что-то надломилось. Я не знаю, как это объяснить, я потом долго пыталась это как-то рационализировать (и кое-что мне даже удалось «наскрести»), но в тот момент все было очень странно и совершенно непонятно. У меня перехватило дыхание, и рекой полились из глаз слезы. Было очень неловко, и я даже злилась на себя: что это я рыдаю ни с того ни с сего? На самом деле, потом действительно кое-что выкристаллизовалось: мне точно показали картинку, нет, кусочек картинку, на которой был другой мир, потрясающий по красоте и стройности, о существовании которого я не подозревала, хотя мне о нем и говорили (когда описывали «идеалистическое мировоззрение»). Но это все же рационализация, которая не объясняет даже части произошедшего.

Наплакавшись вдоволь (сердоболезная преподавательница осталась со мной после того, как все ушли, дождалась, пока я успокоюсь, и предложила в качестве утешения послушать дома кое-какие кассеты с лекциями, «кое-что объясняющие»), я вышла из аудитории и увидела одну из своих однокурсниц, которая ждала меня, чтобы проводить домой. Прежде мы с ней почти не общались, и меня очень удивило и ее желание вместе ехать домой, и то, что она ради этого так долго меня ждала, и то, что она как-то очень радостно улы-

балась, тогда как я по-прежнему утирала слезы. Объяснила она все очень просто: ей очень понятна моя реакция на Писание и хотелось со мной пообщаться. Мне это было странно, но приятно, даже лестно.

Через какое-то время все та же преподавательница пригласила нас в церковь «послушать носителей языка, говорящих о Библии по-английски». Я пришла, познакомилась с несколькими американцами и осталась на службу (только «службой» это не называлось). Центральным моментом в ней была проповедь (на час где-нибудь), во время которой я опять плакала и опять злилась на себя за это. Я стала приходить каждое воскресенье и общаться с американцами-миссионерами, в частности, с женой пастора. Это была удивительная женщина с потрясающей улыбкой, она просто светилась, и наши бабушки в церкви, не имея возможности поговорить (без переводчика), подошли просто до нее дотронуться, чтобы почувствовать то, что она излучала. Я же очень даже могла с ней общаться и делала это очень активно. Однажды после занятия с ней в группе (очень скоро, почти сразу после моего прихода в церковь) я дождалась, когда ее оставят в покое (это происходило не скоро), подошла к ней и, глядя прямо в глаза, сказала: то, что вы говорите, очень хорошо, если это так. А если нет? Вы представляете, какую берете на себя ответственность, говоря это людям, которые вам верят? Ведь в этом случае вы их обманываете, да как! Вам не страшно? Она очень спокойно посмотрела мне в лицо (опять заплаканное) и сказала просто: я не от себя говорю, не свое. Если бы я все это придумала, конечно, было бы страшно, но это не от меня... Кажется, ей даже не пришлось ничего добавлять, но тогда я очень четко поняла, что власть говорить то, что она говорит, ей дает Бог (или, по крайней мере, она так думает, так чувствует).

Параллельно с воскресными посещениями церкви и чтением Писания в группе в институте я стала слушать кассеты, которые дала мне моя преподавательница. Это была запись открытой лекции Джона Мейзела в МГУ под названием «Бог ли Христос?» Не буду сейчас петь дифирамбы Джону (он и в самом деле человек с особым даром благовествовать, о чем очень многие могут засвидетельствовать), но его лекции (которые, я, кстати, так и не дослушала) сделали для меня (или со мной) одну важную и крайне болезненную вещь: они разрушили все мое тщательно сконструированное представление о мире. Они камнями на камне не оставили от всех тех оснований, на которых держалось мое мировоззрение, и оставили меня в крайней неудобном и неудобоваримом положении подвешенности в воздухе. Я больше не знала, что мне думать и знаю ли я вообще что-нибудь. Кризис был настоящим, сводящий с ума, доводящий до отчаяния, заставляющий думать о смерти или о невозможности жить.

Кончилось все так же неожиданно, как началось. В один прекрасный день я пошла к врачу и услышала от него много неприятных для себя вещей. Очень расстроенная, я вышла на улицу и как-то вдруг осознала, что прежде, услышав то, что я только что услышала, я бы пришла в отчаяние, по крайней мере, ужасно испугалась бы, а теперь мне это почему-то не так важно. А что же тогда важно? А важно то, о чем я думаю всю последнюю неделю (или больше), то, что нужно решить сейчас, как можно скорее, то, что я не умею облечь в слова, но что заставля-

Окончание на с. 2

МОЙ ПУТЬ К БОГУ И В ЦЕРКОВЬ

Окончание. Начало на с. 1

ет меня глупо улыбаться сквозь слезы, так что участливые люди в троллейбусе спрашивают, что случилось. Я приехала домой к Синди (жене пастора), по-прежнему глупо улыбаясь, и она тоже спросила, что случилось. Я сказала «не знаю», на что она сказала «а я, кажется, знаю». Потом мы поговорили и помолились (так, как учат протестанты: попросить Бога простить твои грехи и войти в твою жизнь)... Если у меня и есть крестная мать, то это, наверное, Синди.

Я написала «кончилось», но это, конечно, было начало. Потом было много всего, было странное ощущение, что я не знаю, как мне теперь жить, даже как ходить или дышать («старое прошло, теперь все новое»), была радость узнавания и роста, были проблемы с родителями, был Учитель (новый пастор, доктор философии, умнейший, образованнейший человек, настоящий пастырь, у которого я научилась очень многому, и планка, которую он тогда поставил, и в смысле личной духовной жизни, и в отношении того, какой должна быть церковь, до сих пор для меня очень серьезный ориентир), была работа переводчиком в богословском колледже и возможность общаться с очень многими интересными людьми. Было много хорошего, но были и очень тяжелые вещи. От моего опыта общения с православной церковью осталась идиосинкразия к каким бы то ни было обрядам и внешним формам. Очень трудно было участвовать в «хлебопреломлении» (причастии), трудно было решить вопрос с крещением. Можно ли считать крещением то, что произошло со мной в храме Ап. Филиппа? Можно ли креститься без веры? Нужно ли мне креститься еще раз? Мои духовные наставники говорили, что мне самой нужно решить эти вопросы, и я их решала для себя очень долго, так что крестилась только через два года после того, как уверовала: в октябре 1994 г. Именно это крещение и считаю для себя настоящим, первое же, простите, профанацией. Раньше я очень злилась на православных за то, что они доставили мне столько проблем. Теперь нет. Наверное, дальше будет понятно почему.

Был момент, когда я очень тяжело переживала отъезд своего пастора и духовного наставника и даже решила для себя, что нет у меня веры в Бога и что в церковь я пришла из-за людей, с которыми мне хотелось общаться и к которым хотелось быть сопричисленной, а Бог на первом месте никогда не стоял. В этой страшной яме я прожила целый год, при этом в церкви происходили очень неприятные вещи, которых я не смогла принять, и вынуждена была оттуда уйти. Потом пришлось начинать как бы сызнова, возвращаясь к основам. Сначала просто пришло осознание: без Бога жить нельзя. Это не жизнь, это хуже смерти. Потом появилась и церковь, куда мне посоветовали пойти мои друзья из прежней церкви (так же, как и я, не ужившиеся с новыми порядками): англиканская церковь Св. Андрея. Здесь я начала прежде всего духовное общение, просто почувствовала жизнь в церкви и Дух, а потом научилась понимать и принимать многое из того, чего раньше не понимала и не принимала. Например, литургию, частое причастие (с другим отношением), сложную и красивую музыку в церкви, «чужие» молитвы (не «своими словами»), определенное отношение к традиции, преемственности в церкви и многое-многое другое. Здесь я также встретилась (не в первый раз, конечно) с уважительным отношением к православию и очень медленно, постепенно стала изживать свое неприятие и учиться понимать и искать ценное в опыте православия.

Я написала уже много, но о многих очень важных вещах не упомянула, боясь, что не хватит ни места, ни времени. Например, я ничего не сказала о том, какую роль в моей жизни сыграла моя сестра и тогда, когда она еще ребенком по собственному почину стала ходить со мной в церковь и (без единого слова с моей стороны) верить в Бога; и тогда, когда пошла на оглашение и ушла из англиканской церкви. Описывать все это очень долго, хотя это было (и остается) для меня очень важным.

В заключение скажу только, что в последние несколько лет в молитвах очень просила Бога дать мне духовного наставника (или наставников), хотя бы дать возможность расти, учиться, через книги или как-то иначе. Хотелось, чтобы это было через людей, но смелости просить об этом хватало не всегда. Меньше всего я ожидала, что Бог ответит так, как Он это сделал: приведет меня на оглашение к православным. Настолько это казалось невероятным, что у меня очень много времени ушло на то, чтобы увидеть, понять, что это ответ на мою молитву. Но, кажется, все-таки дошло. Слава Богу!

Количество православных в России увеличилось, но процент «воцерковленных» не изменился

Согласно данным социологического опроса, проведенного Фондом Общественного Мнения, увеличилось число людей, считающих себя православными. Опрошенным, идентифицирующим себя как православных, было предложено оценить себя по следующим опциям: «невоцерковленные православные» (их оказалось 37%), «по возможности воцерковленные» (31%) и «воцерковленные» — регулярно посещающие храм и причащающиеся Св. Христовых Таин (4%). В целом православными себя считают 72% опрошенных, что на 12% выше данных предыдущих двух лет, однако количество воцерковленных осталось неизменным.

Такие результаты привела 18 марта на пресс-конференции в РИА Новости «Церковь и молодежь — проблемное поле» координатор социологической службы Отдела по делам молодежи Московского патриархата Алина Багина. По ее словам, «демографическая картина» этих четырех процентов, т.е. «воцерковленных», такова, что на нее нельзя не обратить внимания: в этой группе «постоянно видим людей преимущественно молодых, и в основном это — женщины».

В то же время, с утверждением, что «православие необходимо России» — «согласны» и «скорее согласны» 84% опрошенных, и среди них были представители разных религий. Опрос также показал, что 65% «поддерживают Русскую Православную Церковь, но критикуют», в то время как «только критикуют» — 4%. В целом поддержка Русской Православной Церкви оказалась высокой, подытожила Алина Багина.

Согласно опросу, атеистами считают себя 11%, мусульманами — 7%, неправославными христианами — 2%, «верят в силы природы» — 2%. Среди неправославных христиан оказалось больше молодежи, чем среди православных.

Неожиданным было открытие: сельское население ближе к исламу, в то время как «православие сосредоточено» в крупных городах.

Также опрос показал, что 62% — «за» утверждение, что «Основы православной культуры» пойдут на пользу. Также опрос развеял стереотипы, касающиеся отношения православных к донорству органов: сейчас среди них больше людей, готовых пожертвовать своими органами.

Интересным для исследователей оказался результат, что 70% опрошенных выразили согласие, что человеческая жизнь начинается с зачатия, а не с рождения.

Исследование было проведено в январе — феврале этого года в 44 субъектах РФ. **Благовест-инфо**

В домовом храме Киевской духовной академии совершено богослужение с сурдопереводом

13 марта в домовом храме Киевской духовной академии и семинарии была совершена Божественная литургия, молитвы которой дублировались на языке жестов. Это уже не первое богослужение, совершаемое по благословению ректора Киевских духовных школ архиепископа Бориспольского Антония для людей с нарушенными функциями слуха и речи.

В программу Киевской семинарии включен предмет «Язык жестов», который ведет преподаватель Блощинская А.А. Во время Литургии в качестве сурдопереводчиков выступили студенты Киевской духовной семинарии. **Богослов.ру**

В штате Аризона христианам запретили изучать Библию дома

Власти города Гилберт, штат Аризона, запретили христианам проводить домашние встречи по изучению Библии, так как подобные встречи запрещены городскими законами.

После того, как пастор местной церкви получил предупреждение, в соответствии с которым в течение десяти дней ему нужно было прекратить встречи по изучению Библии, которые проходили в его частном доме, он решил обжаловать это требование властей. В этом решении его поддержали члены церкви и непосредственно все участники встреч. Кроме того, запрет спровоцировал к действию юридическую организацию Alliance Defense Fund (ADF), которая и подала в суд, расценивая это как свой первый шаг в кампании по отмене этого закона.

«Интерпретация и приведение в исполнение городских законов явно противоречат Конституции», — сказал Дэниел Бломберг, один из членов команды ADF. — Этот закон запрещает двумстам тысячам граждан города встречаться в своих собственных домах для организованных религиозных собраний, которые на самом деле защищаются Первой поправкой к Конституции США».

Пастор Джо Сазерленд сказал, что никаких жалоб со стороны соседей не было. Подобные встречи проводились по очереди у каждого из участников встреч до того, как пришла повестка «прекратить подобные встречи, независимо от их размера, характера или частоты».

«Кроме того, власти так применяют этот закон, что церковь не может иметь никаких домашних встреч, включая библейские уроки, встречи хотя бы трех лидеров и даже просто обеды», — сказал представитель ADF. — Этот запрет обусловлен тем, что из-за таких встреч могут создаваться пробки, появляться проблемы с паркингом машин, а также вопросы безопасности людей. Но, несмотря на это, закон разрешает проведение в частных домах бойскаутских встреч, футбольных вечеринок с бесчисленными посетителями, бизнес-вечеринок».

Стоит отметить, что этот случай уже вызвал реакцию со стороны христианских организаций. Совсем недавно члены Всемирного Христианского Совета обратились с открытым письмом к президенту Соединенных Штатов Америки Барак Обама, в котором представители ВХС потребовали защиты от правительства Соединенных Штатов и администрации президента в данном деле. **Седмица.ру**

Пакистан: христианина, отказавшегося перейти в ислам, сожгли живьем

Аршед Масих, 38-летний христианин из Пакистана, был сожжен живьем на глазах у своих детей за отказ перейти в ислам. Его жену Марту изнасиловали полицейские.

Преступление было совершено 19 марта в доме шейха Мохаммеда Султана — богатого мусульманина, у которого работала супруга. Дом этот расположен напротив полицейского участка, но полиция в данном случае содействовала убийцам.

Еще в январе этого года шейх вместе с лидерами местных фундаменталистских группировок потребовали от семьи перейти в ислам, угрожая «ужасными последствиями» в случае отказа.

Масих скончался 22 марта вечером в католической больнице Святого Семейства. У него было обожжено около 80% кожи.

Правительство пакистанской провинции Пенджаб приказало начать следствие по делу об убийстве.

Архиепископ Лагорский Лоуренс Салданха, глава пакистанской Конференции епископов, выразил свою скорбь и негодование в связи с гонениями на христиан в стране. Накануне Страстной недели Салданха заявил, что переживание Страстей Христовых будет неразрывно связано для пакистанских христиан с переживанием убийства Масиха.

Обращаясь к властям страны, архиепископ потребовал от правительства разрешить сложившуюся ситуацию и обеспечить христианам безопасность. **Благовест-инфо**

Меньше половины американцев связывают Пасху с Воскресением Христа

Хотя большинство американцев знают, что Пасха — религиозный праздник, меньше половины увязывают его с Воскресением Христа — таковы результаты опроса, проведенного «Varna Group», сообщает «Благовест-инфо» со ссылкой на ENI.

Социологи спросили у жителей США, что такое Пасха. В среднем 70% в своем ответе упомянули «религию или духовность», хотя среди молодежи до 25 лет с религией этот праздник связывают только 58%.

Только 42% опрошенных знают о том, что Пасха — воспоминание Воскресения Христа из мертвых. Другие респонденты назвали его просто «христианским праздником», «праздником Бога или Иисуса», «праздником Исхода» (евреев из Египта), «святым днем» и т.д.

«Пасха для большинства людей по-прежнему связана с религией, но смысл праздника теряется в их сознании», — заявил президент Varna Group Дэвид Киннаман. Социологи опросили по телефону более тысячи американцев.

В Эритрее 2200 христиан находятся в заключении за свою веру

Примерно 2200 христиан Эритреи находятся в заключении за свою веру в Бога. Об этом сообщил местный осведомитель благотворительной организации для преследуемых христиан «Open Doors».

Как стало известно, 2 марта в эритрейской тюрьме умер христианин Ефрем Хагос (37 лет). Его схватили в военном лагере Ади-Нефаз, расположенном в южном портовом городе Ассабе.

Как сообщили местные осведомители «Open Doors», Хагос в течение трех месяцев болел пневмонией и малярией, но ему отказали в медицинской помощи, поскольку он отказался отречься от христианской веры.

Хагос — двенадцатый христианин, который умер в заключении в Эритрее. Он служил шесть лет в армии Эритреи. Возможно, во время своей военной службы он и стал христианином. Его похоронили в военном лагере.

В начале марта были освобождены 29 христиан из военного лагеря Mitire на северо-востоке Эритреи, в который они были помещены около года назад из различных полицейских участков Асмэры.

В настоящее время все еще примерно 2200 христиан в Эритрее находятся в заключении, поскольку относятся к общинам, не признанным государством. Многие христиане были освобождены из тюрьмы из-за их плохого состояния здоровья, большинство из них под залог и при условии, что не будут больше участвовать в христианской деятельности.

Христиан содержат в полицейских участках, в военных лагерях или грузовых контейнерах, в нечеловеческих условиях. Многие из них сидят в течение нескольких месяцев или даже лет без официального предъявления обвинений или судебного разбирательства. Уже двенадцать христиан погибли в плену в результате ужасных условий содержания в тюрьмах и не оказанной своевременно медицинской помощи.

Из примерно 5 миллионов жителей Эритреи 45% являются христианами и 47% мусульманами. Основанием для усиления гонений стал правительственный декрет, выпущенный в мае 2002 года, подписанный президентом Исаяей Афеворки, который объявил вне закона все христианские общины Эритреи (в том числе более 30 независимых общин), за исключением Эритрейской монофизитской, Католической, Евангелической-Лютеранской церкви и ислама. **Седмица.ру**